

. : АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ ДМИТРИЯ ИГНАТОВА : .

выпуск 4

DAMNATIO MEMORIAE

* * *

#антиутопия #антигерой #от_первого_лица
#альтернативная_история #нуар
#детектив

// WWW.ДМИТРИЙИГНАТОВ.РФ // Telegram: [@ME_WRITER](https://t.me/ME_WRITER) // Fury [@WRITER](https://t.me/WRITER) //

DAMNATIO MEMORIAE

В детективных книжках нам часто в качестве героя преподносят сыщика. Эркюль Пуаро, Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ... Помните ли вы имена всех злодеев, которых они изловили? Разве что профессор Мориарти. Остальных вряд ли... Интересно, почему в реальности всё происходит наоборот? В истории остаются имена психопатов, насильников, серийных убийц, но не тех, кто остановил их.

Именно поэтому сенатом и был принят закон, который исторически называется «damnatio memoriae» по-латыни «проклятие памяти», но мы называем это просто процедурой. После физической казни следует вторая – ментальная, информационная казнь. Вместе с преступником уничтожаются и все следы его присутствия в этом мире. Как и не бывало! Это успокаивает общество, это останавливает многочисленных подражателей и вообще выбивает почву из-под ног любителей заполучить славу Герострата. Торжество римского права.

Как только справедливое возмездие свершилось, и преступник зажарился на электрическом стуле, его брэнное тело, как и вся его материальная жизнь полностью передаётся в руки нашей службы. И тогда в дело вступаем мы – «магистраты забвения». Именно так «magistratus oblivionis» и написано на моём жетоне...

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4Dukv //

I

Тюремный морг. Всё начинается здесь. Я открываю конверт и узнаю имя моего клиента, которого мне придётся сопровождать. Патологоанатом делает последние приготовления, ничего не отмечая в своём регистрационном журнале. Работники заворачивают тело в стандартный пакет и грузят в машину. Я забираю все документы и личные вещи клиента. С этого момента он отправляется в полное небытие.

Мы едем по ночному городу. Дождь барабанит в крышу и окна автомобиля. В растекающейся по лобовому стеклу воде, размазываются силуэты домов и светящиеся пятна фонарей и фар. Водитель спокоен. Кажется, что я его знаю, но не помню имени. Путь между тюрьмой и крематорием он проезжает со мной не в первый раз. Чувствуется, что его работа давно превратилась в рутину. Впрочем, как и моя. Сейчас этим вряд ли кого-то удивишь.

— Закурю? — спрашиваю я водителя. Он молча кивает. Я слегка опускаю окно, чтобы дождь не заливал салон, и закуриваю. Терпкий табачный дым наполняет носоглотку. Сигареты дешёвые и слишком крепкие, но, по крайней мере, так я не ощущаю неприятное раздражение где-то чуть выше нёба. Кажется, я заблеваю. Выдыхаю дым в дождь, наблюдая, как снаружи мелькает и мечется ночной пейзаж. И, забывшись, погружаюсь в свои мысли.

— Приехали, — толкает меня в бок водитель. Я выхожу и спешу скрыться от дождя в тепле чёрного здания, не дожидаясь, пока работники крематория вытащат труп.

Внутри всё происходит быстро. Я видел, как эта процедура происходит в других обстоятельствах, поэтому точно знаю, что значок «магистрата забвения» всё существенно ускоряет. Я сжигал своего отца. Даже если не учитывать церемонию прощания со всеми родственниками, которых в его случае было не густо, бюрократии хватало. Теперь я регулярно сжигаю людей и могу делать это быстро. Без лишней писанины.

Работник морга распахивает створки печи, куда некоторое время назад отправилось тело, чтобы я мог зафиксировать факт его полного сгорания. Все присутствующие в ожидании смотрят на меня. Я киваю, и пепел начинают бесцеремонно сгребать в очередной стандартный пластиковый пакет. Намного меньше, чем предыдущий. Без наклеек и отметок.

II

Иронично, но тело — это самое незначительное, что оставляет человек после себя. Информация — вот самый обильный продукт человеческой жизнедеятельности, поэтому на стирание её наша служба тратит большую часть своих сил. Тело клиента ещё не начало гореть в печи крематория, а наши IT-спецы уже «жгли» сотни его упоминаний в сотнях баз данных. Банковские счета, кредитная история, автомобильные штрафы, оплата жилья, история покупок в онлайн-магазинах, странички в социальных сетях... Всё бит за битом улетало в цифровую топку. Параллельно устанавливались различные связи,

воссоздавалась история, весь путь с момента рождения и до гробовой доски.

Даже в наш век информационных технологий, многие организации всё ещё дублируют, а некоторые и полностью ведут, дела на бумаге. Обычно мне присылают список таких организаций, где клиент, так или иначе, появлялся. Но, чаще всего, я уже знаю его наперёд. Все материалы мне необходимо изъять, проанализировать возможные «хвосты» и уничтожить. Справки, выписки, листы регистрации, фото... Всё в огонь. Важно ничего не пропустить. Мы называем это бумажной работой.

По протоколу вести работу с документами необходимо в конторе. Но на трезвую голову это делать сложно, поэтому я нарушаю протокол. По дороге из крематория я прошу водителя выкинуть меня на углу. Он рад закончить смену пораньше и с удовольствием делает это. Я выхожу из автомобиля прямо под дождь, поднимаю ворот плаща, надвигаю шляпу. Сегодня я точно заболею. Несколько торопливых шагов по лужам и я оказываюсь в моём любимом заведении под непритязательным названием «Место».

«Место» работает до глубокой ночи, но чаще всего здесь немногочленно, и за это я его люблю. Обойдя стороной бар, где подолгу заседают ночные выпивохи с их длинными и муторными разговорами ни о чём, я делаю заказ в терминале. Две порции коньяка, три кофе с сахаром, солёные орешки. Ровно столько мне хватит на остаток ночи до закрытия. Я прохожу в дальний угол зала, где уютно расположена группа столиков с мягкими креслами и устраиваюсь там. Здесь тихо. Разговоры, ведущиеся за барной стойкой, сливаются с негромкой музыкой и

практически не различимы. Я дожидаюсь, когда официантка, одаривая меня усталым взглядом, принесёт мой заказ и уйдёт, и раскладываю бумаги.

Надо сказать, мой сегодняшний клиент был первосортным ублюдком. В прошлом году он вошёл в церковь прямо посреди рождественской мессы и открыл стрельбу. Сначала он стрелял по толпе прихожан из автоматического дробовика, превращая людей в фарш. Потом, когда патроны закончились, сбросил ствол, взял две «беретты» и вышел на улицу, чтобы устроить тир по прохожим. Он остановился, только когда разрядил все обоймы из обоих пистолетов. Так его и взяли. Он стоял посреди площади перед церковью. Смотрел в небо, раскинув руки в стороны, словно распятый Иисус. Вокруг трупы. Подонок хотел славы, но мы сразу перекрыли всё, что можно было. Телевизионщики показывали только здание с обратной стороны. Имя преступника в прессу тоже не просочилось. Он надеялся на публичный суд, но такого у него тоже не было. Никаких журналистов, никаких присяжных, никакого пафосного зачитывания манифестов со скамьи подсудимых. Он не получил ни одной минуты славы, кроме той, что провёл на электрическом стуле. А теперь я превращу всю его жизнь в ничто. Он не оставит никакого следа в истории человечества.

Чёрт, как же я не люблю копаться в этом дерьме. Иногда я ощущаю смрад гнилых человеческих душ, идущий со страниц. И тогда я выпиваю коньяк и крепкий ароматный кофе. Это помогает. Я просматриваю страницу за страницей и делаю небольшие пометки в свой блокнот.

Завтра нужно будет заехать в несколько мест, чтобы собрать оставшиеся бумаги.

III

– Доктор ждёт Вас в своём кабинете, – улыбнувшись, говорит мне медсестра на ресепшене. Этакая русская красавица с красивыми волосами соломенного цвета и округлыми формами под белым халатом. Глядя на её припухлые губки невольно задаёшься вопросом, как хорошо она делает минет. Но я не люблю отвлекаться от работы. Я иду в направлении кабинета главного врача по до блеска натёртому полу между напольных ваз с какими-то растениями, упираюсь в белую дверь с золотой табличкой и, без стука открыв её, вхожу в кабинет.

Доктор сидит за своим рабочим столом в широком кожаном кресле. Я устраиваюсь напротив на стуле для посетителей. Представляться мне не нужно, мы хорошо знаем друг друга, и друг другу не нравимся. Я выжидающе смотрю прямо в глаза главному врачу, и он решает прервать молчание первым.

– Запрос из вашей организации к нам пришёл ещё вчера. Все документы были подготовлены. Вот они, – он открывает ящик стола и выкладывает передо мной толстую пачку бумаг в картонных папках.

– Хорошо, – визуально оценив объём документов, отвечаю я и машинально достаю сигареты.

– Тут не курят, – останавливает меня врач.

– Простите, – прячу я сигареты, – Но кроме этого меня интересует... Словом, нет ли чего-то не отражённого в бумагах?

– Мы ведём свои записи очень аккуратно. Всё отражено здесь, – с нескрываемым раздражением отвечает доктор, – Если вас интересует моё профессиональное мнение, то я его выскажу: это был очень больной и несчастный человек. Его нужно было лечить, а не казнить.

– Я не веду расследование «post mortem», чтобы пересмотреть решение суда, доктор. Это не моё дело. Мне просто нужна информация, чтобы выполнить свою работу.

– Вашу работу...– сквозь зубы цедит врач, – Всё, что нужно для вашей работы, находится в этих папках. Если у вас есть сомнения в их полноте, вы можете прислать свою архивную службу.

– Не вижу в этом необходимости, – спокойно отвечаю я, – Хочу только напомнить Вам о протоколе неразглашения...

– У нас это называется врачебной тайной. Ваши бумаги я тоже подписал.

– Хорошо. Благодарим Вас за сотрудничество.

Я собираю документы и выхожу из кабинета. Мне часто приходится встречаться с идеалистами вроде этого доктора, которые не понимают нашу работу, или даже считают её вредной. Это их право. Объяснять что-то таким людям абсолютно бесполезно. Впрочем, как и всем остальным. Тем не менее, и я, и все мои коллеги, работаем для того, чтобы создать новый, более светлый и чистый мир. Битва за будущее ведётся в прошлом.

IV

Книжный клуб. Оказывается, убудок любил чтение. По крайней мере, в его бумажнике была членская карточка. Что он там читал? "Майн Кампф" Гитлера или ещё какую-нибудь дрянь? Скоро я это узнаю. В любом случае, необходимо посетить эту библиотеку. Интересно, там наливают? Хотя бы кофе.

Темнеет рано. Город погружается в сумерки, как в чёрную липкую смолу, от которой не отмыться. Хорошо, что сегодня нет дождя, но тянущий холодом ветер всё равно пробирает до костей. Я подхожу к стеклянным дверям, из-за которых струится тёплый жёлтый свет и захожу внутрь. Холл, устланный коврами и обрамлённый кадками с пальмообразными цветами, раскрывается в зал, заполненный книжными стеллажами. Книги в середине, книги по краям, справа и слева, по стенам. Я невольно поднимаю глаза к потолку, но там нависают только старомодные хрустальные светильники.

Я небрежно бросаю шляпу на рогатую вешалку, одиноко пристроившуюся в углу. Кажется, она вся вжалась в этот свой угол, спасаясь от заполонивших всё полки и корешков. Ощущая окутывающее меня тепло, я распахиваю плащ и прохожу вдоль ряда стеллажей. В ожидании хоть кого-нибудь я разглядываю обложки книг, аккуратно классифицированных, упорядоченных и расставленных по своим категориям. "Классическая литература", "русская проза", "Достоевский", "Преступление и наказание". Я беру книгу с полки и рассеянно перелистываю страницы. История мучающегося и раскаивающегося убийцы, который

старался, но так и не смог оправдать сам себя. Наивно. И так не похоже на мою историю.

– Здравствуйте, – слышу я за спиной приятный женский голос, – Вы магистрат забвения?

– Не припомню, что бы я показывал свой жетон..., – я оглядываюсь. Передо мной стоит худощавая брюнетка в очках с толстой оправой. Она одета в облегающее фигуру чёрное платье с, наброшенной на плечи на манер шали, белой вязаной накидкой. Девушка явно хотела бы выглядеть как женщина вамп, но неисправимо остаётся хрестоматийным книжным червём, одинокой настолько, что держит кота.

– В будни у нас не так много посетителей, как хотелось бы. А вы явно зашли по работе. Просто ждали, когда кто-нибудь появится. И потом, такой выбор книги...

– Кстати, о работе, – перебиваю я, и показываю девушке листок для заметок с написанной фамилией, – Вы помните этого человека?

– Эм... Да, – девушка неловко улыбается из-под очков, – Смутно... Почти забыла.

– Хорошо, – улыбаюсь я в ответ, понимая, что она со мной заигрывает. Похоже, барышня совсем одичала среди своих книг, раз готова броситься на первого встречного.

– У нас тут есть нечто вроде маленького домашнего кафе для посетителей. Может быть, выпьем по чашечке кофе и обсудим то, что вас интересует?

– Не откажусь, – уверенно отвечаю я, и следую за девушкой, наблюдая, как она подчёркнуто крутит бёдрами, видимо, надеясь на продолжение вечера. Через пару минут мы уже сидим друг напротив друга за небольшим круглым

столиком под бордовым абажуром с бахромой. Всё кафе представляет собой четыре точно таких же столика под такими же абажурами, занимающих пространство почему-то не занятое книжными стеллажами.

— У вас можно курить? — деликатно спрашиваю я.

— Вам... можно, — выдержав многозначительную паузу, всё так же заигрывающе отвечает брюнетка. Я неторопливо закуриваю, отпиваю кофе и внимательно смотрю ей прямо в глаза.

— Я не знаю, что вам сказать... Я и правда не особо запомнила этого посетителя. Он был у нас только однажды, даже завёл клубную карту, взял у нас всего одну книгу.

— Какую?

— Минутку. Я сейчас посмотрю, — девушка поднимается с места и проходит вдоль стеллажей, давая мне возможность в очередной раз оценить прелести её фигуры. Вскоре она возвращается с потёртым томиком в светло-коричневом переплёте.

— Вот эта, — она кладёт книгу на стол и вновь садится напротив, внимательно и почти изучающе наблюдая за моими действиями.

— «История Древней Греции». Интересно, — секунду я кручу книгу в руках, потом открываю и, увидев вложенную библиотечную карточку с именем клиента, практически автоматически выдёргиваю её и сую в карман. После чего продолжаю неторопливо листать томик. Будет неприятно, если он оставил на страницах какую-то отметку или послание о себе, которое я пропущу. Поняв мой интерес по-своему, брюнетка решает продолжить беседу.

– Не думала, что вы любите книги. Ваша... Организация... Она напоминает мне тех ребят у Брэдбери... «45I градус по Фаренгейту».

– Напрасно, – отвечаю я, не отвлекаясь от просмотра страниц, – У нас с ними масса различий... Начнём хотя бы с того, что мы сжигаем книги вместе с людьми.

Брюнетка нервно хихикает. Кажется, мой показной цинизм хорошо дополнил тот образ, который она уже себе нарисовала.

– И всё же... Какой в этом смысл? В чём ценность забвения?

– Похоже, Вы не обсуждали закон о «проклятии памяти» со своим сенатором.

– Я вообще далека от политики.

Мой взгляд останавливается на заломленных страницах. По всей видимости, их читали с наибольшим интересом. Я поднимаю глаза на брюнетку и, расслабленно откинувшись на спинку стула, отпиваю кофе.

– Вы помните историю о Герострате?

– Конечно. Он сжёг знаменитый храм Артемиды в Эфесе.

– Он объяснил цель своего поступка желанием остаться в веках. И с тех пор у нас регулярно появляются «Геростраты» всех сортов. И теперь их интересы не ограничиваются зданиями. Они годами насилуют и убивают женщин и детей, оставляя на их телах разные символы и знаки. Они взрывают себя в переполненных залах аэропортов и вагонах метро. Они обвешиваются камерами и транслируют в Сеть то, как совершают массовый расстрел безоружных людей... И когда мы возьмём одного, его разрушительной идеей уже может заразиться десяток таких

же «Геростратов». А то и похуже... Это вирус. Вирус тщеславия. Вот с чем мы боремся. У Герострата получилось остаться в человеческой памяти. Но больше не получится ни у кого, – я замолкаю и снова бросаю взгляд на брюнетку, которая, не мигая, смотрит на меня, – Вы спрашивали: «В чём ценность забвения?». Забвение защищает и приносит спокойствие. В мире было слишком много зла, чтобы о нём помнить... Кажется, свою шляпу я оставил там?

– Вы уже уходите?

– Да, – я отдаю книгу брюнетке, – Благодарю за сотрудничество.

– Но...– она растерянно берёт томик у меня из рук и следует за мной, – Может, вы ещё зайдёте как-нибудь?

– Возможно. В следующем месяце.

– Это... Хорошо, – она слегка мнётся, глядя как я надеваю шляпу, тщательно заматываю шею шарфом и застёгиваю плащ, – Простите... А как вас зовут?

– Никак.

– А серьёзно?

– Серьёзно. Процедура «damnatio memoriae» применена ко всем магистратам забвения прижизненно. У нас нет имён.

– Прямо как у «Людей в чёрном»?

В ответ я молча улыбаюсь и выхожу на улицу. Мокрый снег летит с неба частыми и крупными хлопьями. Они на секунду вспыхивают в плотных пучках света от фонарей и исчезают во тьме, чтобы через секунду облепить моё лицо и одежду. «Да, как у грёбанных людей в чёрном», – думаю я и закуриваю. Сколько раз я слышал этот идиотский

вопрос... Жаль, что у меня в кармане зажигалка, а не вспышка для стирания памяти.

V

Печь. Она располагается в подвале нашего служебного здания. Когда-то давно это была угольная котельная, снабжающая теплом все этажи. Сейчас мы используем её для своих целей. «У нас тут нечто вроде маленького домашнего крематория для клиентов» – придумываю я шутку, вдруг вспомнив вчерашний разговор в книжном клубе, и сам невольно улыбаюсь.

Я сижу на старом стуле с металлическими ножками напротив открытой заслонки, за которой бушует оранжевое пламя. Ощущение, что смотришь прямо в Ад. Одну за другой я бросаю в огонь бумаги: выписки, счета, медицинские карточки, отдельные документы или простые записки. Всё в печь.

На этот раз я действую по протоколу, хотя это, скорее, можно назвать ритуалом. Сначала в огонь отправляются все собранные бумаги. Потом... Я достаю из кармана плаща маленький пакетик без наклеек и надписей. Потом – сам клиент. Неужели он провалялся у меня в кармане плаща всё это время? Я брезгливо выкидываю его в печь. И, наконец, в последнюю очередь огню предают карточку клиента с именем. Ту самую бумажку, которую я достаю из конверта каждый раз, когда начинаю новое дело.

Раздаётся телефонный звонок. Я встаю со стула и, всё ещё держа карточку в руке, иду к столу в

противоположном углу комнаты. Мои шаги гулко раздаются в пустом подвальном помещении. Я снимаю трубку.

– Да?

На другом конце провода звучит узнаваемый чуть заикающийся голос нашего архивиста. Этот компьютерный жук недолюбливает и, кажется, немного боится меня.

– Не смог дозвониться тебе на сотовый. Решил, что ты в подвале.

– Да, я здесь.

– Послушай... Выяснилась новая подробность по твоему текущему делу, – он делает паузу.

– Ну, говори! – подгоняю я.

– У твоего клиента, оказывается, есть семья. Бывшая жена и ребёнок.

– Семья? Как такое возможно? У него были только родители. И они давно умерли...

– Брак не был оформлен официально. Ребёнок записан на фамилии матери. В большинстве баз отец не указан. Я... Просто пропустил...

– Пропустил?! – меня начинает разбирать злость, – Ты хоть понимаешь, что у бывшей жены может остаться масса материалов?! Фото, дневники, да хоть всего до чёрта лысого... И мне придётся подчищать всё за тобой! Ты идиот?

– Ну, хорошо, хорошо! Я ошибся...

– Ты идиот?

– Что? Ошибиться нельзя?

– Идиот, – я раздражённо бросаю трубку. В моей руке до сих пор находится листок с именем. Я молча смотрю него. Похоже, этот парень пока не хочет меня отпускать.

VI

Маленький симпатичный домик в пригороде. Стены недавно выкрашены в светло-зелёный цвет. Не знаю, как правильно называется этот оттенок... Салатовый? Вокруг растут ровно подстриженные кусты. Лужайка тоже обхожена. Очевидно, за домом по-хозяйски следит мужская рука. Я поднимаюсь на крыльцо и звоню в дверь. После некоторого ожидания мне открывает женщина. По виду лет 40-45, светлые волосы вьются мелкими кудряшками, поверх домашнего платья в мелкий цветочек надет фартук с жирными пятнами. Она вполне могла бы сойти за классическую домохозяйку из 50-х, если бы не жирные пятна. Я сразу показываю свой жетон.

– Магистрат забвения. Разрешите войти?

– Да... Конечно, – растерянно бормочет она и пропускает в дом. Мы заходим на кухню. На столе разложены продукты, пока ещё пустая кастрюля на плите, приготовлены разделочная доска и нож... Похоже, я отвлек хозяйку от приготовления обеда.

– Меня интересует ваш муж.

– Он... Он сейчас на работе.

– Вот этот! – я резко показываю ей бумажку, практически ткнув в самое лицо, и по его выражению моментально понимаю, что женщина прекрасно помнит моего клиента.

– Мы расстались... Пять лет назад.

– Mam, кто это? – в проёме кухонной двери замирает мальчик лет девяти.

– Ребёнок от него? – киваю я в сторону мальчишки.

– Да, – отвечает женщина.

– Кто это, мам? – повторяет мальчик свой вопрос.

– Это из полиции. Дядя просто задаст нам несколько вопросов.

– Да, – я поворачиваюсь к мальчику, – Вы ведь живёте с папой? Он сейчас на работе?

– Да... Но это не мой настоящий папа. Он жил с нами раньше, а потом ушёл.

– Правда? А ты помнишь, как его звали? Твоего настоящего папу?

Мальчик уверенно отвечает. Он хорошо помнит его. На некоторые вещи у детей такая цепкая память, получше всякой бумажки. Он смотрит на меня своим пристальным открытым взглядом. С таким не договоришься. С детей не затребуешь подпись на протоколе о неразглашении. Их не запугаешь. Память о родителях живёт у них в генах...

Я перевожу взгляд с мальчика на мать. Кто первый? Что будет правильнее с точки зрения морали? Женщина, кажется, инстинктивно прочитав мои мысли, делает резкое движение. Это предопределяет мой выбор. Звучит приглушённый выстрел. Пуля попадает ей точно в сердце. Я резко разворачиваюсь и отправляю вторую пулю в сердце мальчика. Он не успевает вскрикнуть.

Пару секунд я стою, глядя на пистолет в своей руке. Легкий дымок выходит из ствола с каким-то смертельным умиротворением. Практически как дым из недокуренной сигареты в пепельнице. Эти мгновения тянутся непростительно долго. Нужно лечить нервы.

Я перешагиваю через тело женщины и, подойдя к плите, открываю вентиль. Газ начинает с шипением выходить,

заполняя кухню. Я поднимаю гильзы, стараясь не смотреть на тела. Безоболочечные экспансивные свинцовые пули хорошо плавятся, но оставляют очень неприятные ранения. Выхожу в коридор, оклеенный дешёвыми синтетическими обоями и пластиковыми панелями. Это будет хорошо гореть. Скоро здесь будет настоящий Ад. На вешалке оставлена маленькая курточка мальчика. Я засовываю бумажку с именем в её рукав и, щёлкнув зажигалкой, пару секунд наблюдаю, как разгорается бумага и ткань, а потом быстрым шагом выхожу из дома.

Взрыв я слышу уже с противоположного конца квартала. Огненное зарево полыхает на фоне темнеющего вечернего неба. Я закуриваю, размышляя, стоит ли вызывать пожарную охрану, но решаю не тратить на это своё время. В конце концов, дело закрыто, и я заслужил небольшой отдых. Вечер ещё только начинается и можно посидеть в «Месте»... А лучше зайти к той недотраханной брюнеточке. Она явно ко мне не ровно дышит. Например, перечитать по ролям «45Г градус по Фаренгейту». А что? Неплохая книга. Я люблю Брэдбери. Ну, не читать же мне «Сказки матушки гусыни»...

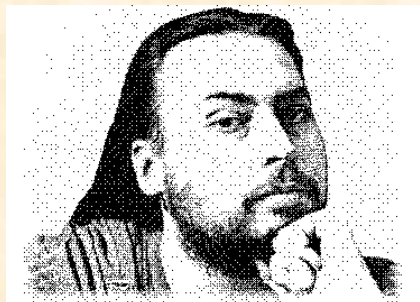
ПОНРАВИЛОСЬ? ПЕРЕШЛИТЕ ТОМУ, КОМУ ТОЖЕ МОЖЕТ ПОНРАВИТЬСЯ.

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4Dukv //

ОБ АВТОРЕ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии.

Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис».

В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Исполняет обязанности заместителя главного редактора в журнале «Парус» (Москва), а также веб-редактора и графического дизайнера в журнале «Дрон» (Белгород).

* * *

Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Искатель», «Подвиг», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Машины и механизмы», «Инвожо», «Южная звезда», «Истоки», «Крылья», «Дальний Восток», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Эмигрантская лира», «Дрон», «Сура», «Бийский вестник», «Ротонда», «Рукопись», «Белая скала», «Вещь», «Литературная Россия», «Литературный Крым», «Причал» (журнал отд. СПР г. Ярославль), альманахах «Под часами», «Литературный оверлок» и «Литературный альманах» (г. Хабаровск), «Эдита» (Германия), сборниках: «Тайны и приключения», «Наука веселья», «Мастера прозы», «Modus operandi», «Открытый космос», «Художественная верификация», «Мистический писатель», «Паттерны» (изд. «Перископ-Болга»), интернет-изданиях: «Великороссь», «Невечерний свет», «Автограф», «Пять стихий», электронном приложении «Мастерская» журнала «Семь искусств». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сохнут хипстеры» и др.

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4DUkv //